

Борьба за реабилитацию великого терапевта и кардиолога

Чучалин А. Г.

Академик РАН, д.м.н., профессор, заведующий кафедрой госпитальной терапии ИМД ФГАОУ ВО РНИМУ им. И.Н. Пирогова Минздрава России (Пироговский Университет)

От редакции. В истории медицины есть имена, которые становятся не просто страницами учебников, а символами эпохи, трагедии и торжества научного духа. Одной из таких фигур был Дмитрий Дмитриевич Плетнёв — терапевт и кардиолог, чьи открытия заложили основы отечественной клинической медицины, но чья судьба оказалась перечёркнута политическими репрессиями и забвением.

Эта статья — не просто историческое исследование академика Александра Григорьевича Чучалина, это рассказ о личной миссии, история о том, как правда, похороненная под слоями лжи и страха, медленно, десятилетиями, пробивалась к свету.

Через воспоминания мы не только узнаём о гении Дмитрие Дмитриевиче Плетнёве-врача, но и сталкиваемся с вечными вопросами: как остаться верным памяти того, кого старательно вычёркивали из истории? Это история не только о реабилитации имени, но и о восстановлении справедливости для целой научной школы.

Воспоминания академика Александра Григорьевича Чучалина
о Дмитрие Дмитриевиче Плетнёве

Дмитрий Дмитриевич Плетнёв 1871 -1941
(<https://russianpulmonology.ru/album-of-the-department/>)

Миссия памяти

«Я всегда считал своей миссией не только лечение пациентов и развитие пульмонологии, но и сохранение исторической памяти о наших коллегах. История Дмитрия Дмитриевича Плетнёва – это не просто страница советской медицины, а трагедия гения, чьи открытия заложили основы терапии и кардиологии в нашей стране. Я не знал о нём в юности, но судьба свела нас через десятилетия, и я стал одним из тех, кто боролся за его посмертную реабилитацию», - А.Г. Чучалин.

Первое знакомство

Моё знакомство с деятельностью Дмитрия Дмитриевича Плетнёва состоялось в начале 1980-х годов. К этому времени я работал профессором и специализировался на реанимации критически тяжёлых больных с бронхиальной астмой – это была тема, которую я разрабатывал. В то время мое профессиональное окружение про Дмитрия Плетнёва ничего не слышало и не знало.

Однажды меня пригласили на консультацию по поводу астматического статуса одной из пациенток в Московский областной научно-клинический институт имени Владимирского (МОНИКИ). После которой возвращаясь в кабинет профессора Николая Романовича Палеева, я услышал слова, перевернувшие мою жизнь. Профессор сказал: «Знаешь, этот кабинет раньше занимал Дмитрий Дмитриевич Плетнёв. Я делаю всё возможное, чтобы этот человек был реабилитирован. Он заслуживает того, чтобы остаться в истории большим учёным и врачом». Эти слова заставили меня задуматься: почему я никогда не слышал о Плетнёве? Ни в студенческие годы во 2-м Московском медицинском институте, ни на кафедрах, ни на конференциях, ни в лабораториях его имя не звучало. Наше поколение было лишено этой части истории. Словно сквозь туман всплыли обрывки воспоминаний: где-то мелькала фамилия, но целостной картины не было. С этой консультации я уехал не просто врачом, а человеком с миссией.

Письмо Рекункову

Однажды по пути на работу мне пришлось заехать на консультацию в правительственную больницу – к генеральному прокурору СССР Александру Михайловичу Рекункову.

Это был высокий статный широкоплечий мужчина с открытым лицом, который во время военных действий в Кёнигсберге, пережил тяжёлое ранение в грудь, оставившее хронические лёгочные проблемы. Наши отношения врач – пациент продолжались многие годы. Когда консультация подходила к концу, я решился: «Александр Михайлович, есть проблема, которая меня мучает. Речь идёт о реабилитации Дмитрия Дмитриевича Плетнёва. Мы все обделены: наше образование без него искалечено. Дмитрий Плетнёв – основоположник кардиологии в нашей стране!»

А.М. Рекунков выслушал внимательно, не перебивая меня. «Напиши письмо на моё имя», – сказал он. Я отправил письма о реабилитации Д.Д. Плетнёва А.М. Рекункову и Ю.В. Андропову, который в то время руководил государством, с просьбой восстановить справедливость. Первая реакция была положительной, но тема несколько зависла, и Верховный Суд СССР принял дело к производству уже при Михаиле Сергеевиче Горбачёве.

В профессиональной среде

В те годы раз в месяц мы собирались в анатомической аудитории старого Московского университета на заседаниях Московского терапевтического общества. На одном из заседаний меня встретили с необычайной теплотой. Радость была связана с новостями о реабилитации Плетнёва! Одним из поздравлявших был Владимир Харитонович Василенко – легендарный академик, который в тот момент был в преклонном возрасте, и лично знал Дмитрия Дмитриевича. Несмотря на то, что взгляды академиков В.Х. Василенко и Н.Д. Стражеско по поводу сердечной недостаточности расходились с плетнёвскими, он положительно отозвался о возможной реабилитации Дмитрия Плетнева: «Молодец, что взялся за это дело!». После этих слов я почувствовал гордость за проделанную работу, но радость была недолгой. Через два месяца я вошёл в ту же комнату – и передо мной словно стена: никто не смотрит в мою сторону, меня как будто нет. Секретарь В.Х. Василенко, которая тоже была профессором, сказала: «Мы тобой недовольны. Ты поставил Владимира Харитоновича в тяжёлое положение. Реабилитации не будет, дело закрыто». А я якобы преувеличил свои возможности. Мне горестно было слышать это все, и я думал: «Стоит ли продолжать посещать заседания Общества?»

Это дело политическое?

Полгода моя грусть нарастала и давила, я все думал: «Поговорить ли мне с Рекунковым?». Он нуждался во мне как во враче, поэтому на очередной консультации я наконец-таки решил напомнить ему о Плетнёве.

После упоминания о Дмитрии Дмитриевиче его лицо изменилось и приняло черты генерального прокурора: «Ты понимаешь, в чём дело? Реабилитация Плетнёва – это политика. Он был на скамье с Бухариным, Зиновьевым, Каменевым, Рыковым. С ним были ещё два врача, тоже профессора – И.Н. Казаков и Л.Г. Левин. Реабилитируешь Плетнёва – что делать с Зиновьевым, Рыковым, Бухариным? Сейчас в нашем государстве готовится серьёзная программа, её, скорее всего, назовут «перестройка». И мы начнём с их реабилитации» – сказал он.

Процесс пошёл в гору

Молва о скорой реабилитации Д.Д. Плетнёва разнеслась по всей стране. Председатель Верховного Совета Лев Николаевич Толкунов, тоже мой пациент, ветеран с тяжёлыми ранениями периода Второй мировой войны, при встрече сам завёл тему: «К нам, – сказал он, – в Верховный Совет, пришли документы на реабилитацию. Мы этот вопрос сейчас рассматриваем».

И вот вечером у меня дома на проспекте Мира раздался звонок в дверь. На пороге стоял человек в военной форме: «Вас беспокоит подполковник юридической службы такой-то. Не могли бы вы спуститься вниз?» Мы спустились.

Профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнёв – директор госпитальной терапевтической клиники Московского университета. Москва, 2-я половина 1920х гг. (<https://rmanpo.ru/press-center/news/history/obnovlenie-jekspozicii-muzeja-rmanpo-professor-dmitrij-dmitrievich-pletnev-osnovatel-klinicheskoy-kardiologii/>)

«Я не хотел в квартире говорить», – сказал он, – с Вами очень хочет встретиться по важному делу генерал-лейтенант Иван Павлович Абрамов. Это касается реабилитации Дмитрия Дмитриевича Плетнёва».

Я согласился. В памяти остался снежный, слякотный день. Офис И.П. Абрамова находился недалеко от Курского вокзала. В коридоре я увидел двух знакомых профессоров: Виталия Григорьевича Попова и Капитона Михайловича Лакина (члена-корреспондента АМН СССР, ректора ММСИ им. Н.А. Семашко), который был моим учителем и на 3-м курсе вёл курс фармакологии. Мы втроём шли на встречу.

Нас принял невысокий, лысый, подвижный мужчина: «Мы пригласили вас по реабилитации врачей, не только Плетнёва, но и других. Набросали, кто будет давать экспертизу». Обращаясь ко мне: «Вы, как пульмонолог, займитесь историей Плетнёва и проведите экспертизу истории болезни лёгочного заболевания А.М. Горького. - Виталию Григорьевичу дали материалы по лечению В.Р. Менжинского, а К.М. Лакину – по В.В. Куйбышеву, - не занимайтесь политикой, оцените, как профессионалы, насколько лечение было правильным и эффективным».

Я получил историю болезни А.М. Горького, которого лечил Д. Плетнёв, в консилиумах участвовали профессора Г.Ф. Ланг и М.П. Кончаловский. К медицинским документам мне дали письмо Д.Д. Плетнёва, которое он написал из пересыльной тюрьмы города Александрова, в адрес

В.М. Молотова, Л.П. Бери и К.Е. Ворошилова – чтобы понять контекст.

Правда о болезни и лечении А.М. Горького

Поздно вечером я погрузился в чтение. Врачебный почерк – загадка для непосвящённых, и я с трудом разобрал текст. Моя задача состояла в том, чтобы проанализировать историю болезни А.М. Горького. Врачи не рекомендовали ему дальние поездки в Италию из-за частых обострений хронического лёгочного заболевания: он был склонен к частым простудам, затяжным инфекциям дыхательных путей. Врачи посоветовали писателю на реабилитацию ездить в Крым, где сохраняется тёплая погода. Эти рекомендации были направлены на лучшую акклиматизацию к погодным условиям. Но в 1936-м он вернулся раньше, в июле, в поезде заболел, почувствовал себя плохо. В Москве от него заразились сын и невестка. Состояние ухудшилось, резко обострилось хроническое лёгочное заболевание, к которому присоединилась нарастающая одышка, и он поступил в больницу на улице Грановского (ныне – Романов переулок, это бывшее Четвёртое управление). В середине 30-х годов в медицинской практике не было антибиотиков и применялись только симптоматические средства.

Дневники истории болезни свидетельствуют о катастрофе: воспалительный процесс дыхательных путей нарастал, появились периоды приходящей аритмии, врачи наблюдали судорожный синдром и кратковременную потерю сознания. Три профессора – Д.Д. Плетнёв, ленинградский Г.Ф. Ланг (близкий друг Плетнёва) и М.П. Кончаловский (двоюродный дедушка Никиты Михалкова, с которым Плетнёв не очень ладил) – практически не отходили от постели М. Горького, лечили передовыми методами того времени, включая камфору и др. Тревогу вызывали кратковременные эпизоды сердечной аритмии – это были предвестники смерти. Д. Плетнёв и Г. Ланг, пионеры аритмологии, в совершенстве читали ЭКГ.

Д. Плетнёв стажировался в Германии и владел новейшими методами лечения аритмии. Он назначил комбинированный сердечный гликозид и убедил консилиум, что это может помочь, но к сожалению, болезнь прогрессировала.

Бюллетени о состоянии здоровья М. Горького публиковали ежедневно. И. В. Сталин и К.Е. Ворошилов приехали к М. Горькому, встретились с Дмитрием Плетнёвым и спрашивали о прогнозе, он был пессимистическим.

Как врач-исследователь, Д. Плетнёв при лечении М. Горького впервые в медицинской литературе описал «лёгочное сердце» как причину аритмии, возникающее при перегрузке правых отделов сердца, причиной которых является пневмония. В истории болезни он описывает каверны: три в верхней доле правого лёгкого, две в левом. А ведь тогда не было компьютерной томографии! Всё, что было у Д. Плетнёва, – только перкуссия и аускультация, которыми он владел в совершенстве. Мастерство Дмитрия Плетнёва было поистине ювелирным.

Перечитывая его учебник «Основы клинической диагностики», я поражаюсь, как он «видел» внутренние органы человеческого организма, используя исключительно только эти методы. Он много и усердно работал в условиях эксперимента, чтобы овладеть такой техникой. По сегодняшней день Д.Д. Плетнёв остаётся непревзойдённым мастером клинического обследования больного человека.

Новая болезнь?

А.М. Горький умер от прогрессирующей дыхательной недостаточности, развившейся на фоне гриппозной геморрагической пневмонии. Основной упрёк оппонентов Д.Д. Плетнёва – «немецкая рецептура», те самые лекарственные препараты, которыми он пытался предотвратить эпизоды фатальной аритмии. Вскрытие провёл ведущий патологоанатом страны профессор Ипполит Васильевич Давыдовский в «Медсантруде» на Таганке. Он был потрясён точностью диагноза: каверны, гриппозная геморрагическая пневмония с признаками старого туберкулёза. И.В. Давыдовский понимал, что если он назовёт только одну болезнь, грипп, то Дмитрия Плетнёва обвинят в «убийстве». Но как назвать болезнь, когда в одном органе человеческого организма проявилось несколько болезней? Есть каверны, признаки перенесённого туберкулёза, и есть острая геморрагическая пневмония. В итоге он указал, что это «хроническая неспецифическая

лёгочная чахотка». И уже в сентябре И.В. Давыдовский читает о новой болезни в Институте усовершенствования врачей лекцию, которая позже была опубликована в медицинском журнале.

Сегодня эти болезни мы называем хронической обструктивной болезнью органов дыхания, или бронхоэктатической болезнью, или туберкулёзом и так далее. Наша школа расходится с западной в трактовках, но это другая история.

Спасение А.Л. Мясникова

Ордер на арест Д. Д. Плетнёва, 1937 г

Источник: <https://russianpulmonology.ru/album-of-the-department/>

Дмитрий Плетнёв предчувствовал свой арест и хотел защитить учеников. Самого яркого, Александра Леонидовича Мясникова, отправил в Ленинград к Г.Ф. Лангу: «Уезжай, работай у моего друга». Мясников подражал учителю во всём: в манерах, одежде, аккуратности. В Ленинград он приехал с письмом от Д.Д. Плетнёва, но Г.Ф. Ланг сказал: «У меня места для тебя сейчас нет.

Всё, что могу предложить: по вечерам я веду частные консультации, садись и записывай истории болезней». А.Л. Мясников согласился. Ему повезло, у него было два великих учителя, Д. Плетнёв и Г. Ланг. Это дало ему очень много: он быстро развивался как профессионал высокого уровня, переехал в Новосибирск, где, активно работал. А.Л. Мясников служил военным врачом, был главным терапевтом ВМФ во время войны. И когда в 1944 году начала формироваться Академия медицинских наук, А.Л. Мясников стал одним из первых её членов. У него всегда была тайная надежда на реабилитацию Д.Д. Плетнёва. Вслух он ее высказать не мог, но создал Институт терапии и Институт кардиологии, о которых мечтал Дмитрий Дмитриевич.

Костры в аллеях

Но вернёмся к Д.Д. Плетнёву. Начался суд. Допрос вёл генпрокурор СССР того времени Андрей Януарьевич Вышинский, бывший ректор МГУ. На абсурдные вопросы из протоколов ФСБ, например: «Что вы сделали, чтобы ухудшить здоровье А.М. Горького?» — Дмитрий Плетнёв отвечал, что он «только лечил, вреда не приносил». Так как одинаковые вопросы задавались многократно и с психологическим давлением, Д.Д. Плетнёв стал сдаваться и говорить страшные вещи: «Разводили костры вдоль аллеи, по которой гулял А.М. Горький, чтобы дым ухудшал дыхание и здоровье. Делали это умышленно с целью сократить его жизнь». Это была вынужденная глупость в ответ на прессинг. Копии этих протоколов хранятся в Музее им. Д.Д. Плетнёва.

Письмо правительству

Д.Д. Плетнёва осудили, отправили в пересыльную тюрьму в город Александров во Владимирской области. Оттуда он написал письма Ворошилову, Берии и Молотову. Начало пафосное: «Я – известный профессор в России и Германии, автор трудов не только на русском, но и на немецком, ведущий специалист...» И так далее и тому подобное. Мне даже как-то неловко

стало, что человек так себя расписывает. Но тут я дошёл до слов, после которых совсем по-другому взглянул на гения медицины Д.Д. Плетнёва. «Поймите, – пишет Дмитрий Плетнёв руководителям страны, – я не могу находиться среди людей с карликовыми мозгами!» Эти люди расстреляли Д.Д. Плетнёва 11 сентября 1941 года в Медведевском лесу под Орлом.

Вот тут я задумался над тем, где находится грань между гениальностью и обыкновенностью.

Экспертиза

В своём заключении я указал, что Дмитрий Плетнёв – гений медицины, который описал новые болезни и методы лечения. Он назначил максимально эффективную терапию сердечной аритмии. В.Г. Попов и К.М. Лакин также написали заключения по материалам лечения В.Р. Менжинского и В.В. Куйбышева. И вскоре Верховный Суд вынес решение о полной реабилитации врачей.

При встрече с А.М. Рекуновым он произнёс: «Ну вот, я все обязательства перед тобой выполнил». Я полетел как на крыльях, представлял, как приду на очередное заседание Московского терапевтического общества к тем людям, которые ещё недавно были мной недовольны.

И действительно, когда я в следующий раз пришёл на Моховую, отношение изменилось. Все вновь смотрели на меня с восторгом. И патриарх Владимир Харитонович Василенко был в их числе. Меня это поразило, и я больше никогда этот порог не переступал.

Сегодня в Московском терапевтическом обществе есть премия имени Д.Д. Плетнёва. Комиссией по её вручению руководит Павел Воробьёв. Меня часто туда приглашают.

Предательство и верность

Когда я знакомился с материалами по делу Д.Д. Плетнёва оказалось, что его оговорили по большей части его ученики. И это самое страшное. Они прожили жизнь, мягко скажем, не очень спокойную. Нести бремя, когда ты знаешь, что оговорил своего учителя, – это очень тяжело. Это оставляет след на всём: на поведении, мышлении, общении и т.д. Может, единственный из учеников, кто его не предал, не считая А.Л. Мясникова, – рязанец Виталий Григорьевич Попов восхищавшийся мастерством Дмитрия Плетнёва в аускультации.

Где похоронен?

Близкий мне, к сожалению, теперь уже покойный профессор Александр Викторович Недоступ, ученик профессора В.Н. Виноградова (тоже ученика Плетнёва), занимался аритмией и знал работы Д.Д. Плетнёва в этой области. Он первым сказал мне, что Дмитрий Плетнёв расстрелян под Орлом. До того говорили о том, что его эвакуировали, что он работал в Магадане и умер в 1952-м, но это всё было без доказательств, на уровне слухов. А три года назад студентка нашего университета принесла известие, что он был захоронен в лесу недалеко от Орла.

Конечно, очень важно сохранять память о достойном человеке, особенно среди будущих врачей, чтобы они передали её своим ученикам. Без истории Дмитрия Дмитриевича Плетнёва нет истории нашей медицины. Ведь медики 1920–1930-х годов учились по его учебнику «Основы клинической диагностики для врачей и студентов», который после его осуждения изъяли из библиотек и за хранение могли осудить. У меня есть экземпляр – реликвия, присланная из Томска.

Дмитрий Дмитриевич Плетнёв – основа нашей терапии и кардиологии. Его реабилитация – моя гордость и боль. Пусть молодые помнят: правда побеждает, даже через десятилетия.